

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 316.422.44

Ю. В. АКУЛОВ

Белгородский государственный
университет

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В ГЛОБАЛЬНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО: ПОКАЗАТЕЛИ И ТЕНДЕНЦИИ

На основании анализа статистических данных определено отношение и готовность населения России к применению и использованию информационно-коммуникационных технологий, проанализированы изменения, произошедшие в последние пять лет, выявлены проблемные стороны распространения и использования компьютерной техники и Интернета, которые предстоит решить в рамках ФЦП «Электронная Россия».

Неотъемлемой частью процессов глобализации является формирование глобального информационного общества. Одним из стратегических ресурсов государства становятся информация и знания, а ключевым фактором социально-экономического развития — доступ к ним. «Генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти» [1]. Становление и развитие информационной инфраструктуры и реализация интеграции в глобальное информационное пространство относятся сегодня к числу важнейших задач любого государства.

То, что в России сложились необходимые предпосылки и условия перехода к информационному обществу, позволяет утверждать анализ состояния и

направлений развития российской информационной инфраструктуры. В российском обществе на сегодняшний день полностью сформировался взгляд на открывающиеся при помощи использования новейших информационно-коммуникационных технологий возможности, созданы определенные заделы в формировании телекоммуникационной инфраструктуры. Российская политическая элита утверждает в мысли, что «технологические средства коммуникации представляют собой сырьевые, или естественные ресурсы, точно такие же, как уголь, хлопок и нефть» [2]. Сложившийся и до сих пор поддерживаемый в стране высокий уровень образования поддерживает постоянно растущий спрос на российских специалистов в области информационных технологий.

В то же время положение России в области внедрения информационных технологий на сегодняшний день существенно уступает положению стран — лидеров в информационном поле. С целью догнать в «информационной гонке» развитые страны, в России принят и реализуется ряд соответствующих программ, одной из которых является Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002 — 2010 годы)». На данный момент Федеральная программа уже вышла на 3-й этап реализации, предполагающий создание предпосылок для массового распространения информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной деятельности на основе единой информационной и телекоммуникационной инфраструктуры и использования системы электронной торговли [3].

В этой связи значительный теоретический и практический интерес представляют изменения в отношении к информационно-технологическим инновациям в нашей стране за последние годы. Показатели таких изменений являются существенным аспектом общей проблемы готовности населения к новому витку вызовов глобализации. В частности, для того, чтобы определить отношение и готовность граждан нашей страны к применению информационных технологий, следует оценить тенденцию последних лет на предмет развития и использования технологических благ.

Для начала проанализируем показатели развития телефонной связи. В 2002 г. число телефонных станций местной телефонной сети составило 45 тыс., на начало 2007 г. их число составило 46,9 тыс. штук, прирост составил 4,2 %. Количество же домашних телефонных аппаратов в 2002 г. составило 36,5 млн штук, в 2007 г. их уже стало 44,6 млн штук, прирост составил 22,2 % [4]. При этом следует учитывать, что за последние пять лет популярность домашней связи резко сократилась, хотя сама процедура установки и присвоения телефонного номера стала значительно проще и дешевле, большую популярность за эти пять лет приобрела мобильная сотовая связь.

Еще в 2002 г. число подключенных терминалов сотовой связи составляла 17,6 млн, но уже к концу 2006 г. их число выросло до 154,5 млн, а их количество на 1 октября 2007 г. составляло 169,7 млн. Таким образом, с 2002 по 2006 год число терминалов сотовой связи увеличилось в 8,8 раз, а за последний 2007 год — почти на 10 % [4]. Если проследить всю динамику развития сотовой связи, то самый бум подключений пришелся на 2005 г., по сравнению с 2004 годом число терминалов увеличилось на 52,2 млн аппаратов. В последние пять лет сотовая связь стала значительно доступнее, цены на сотовые аппараты снижались, теперь можно купить телефон за сумму начиная от 2000 руб., тарифы на мобильную связь также значительно уменьшились, появились новые услуги MMS, голосовая почта, WAP-Интернет и даже доступ к обычному Интернету. Сотовая связь приобрела статус больше, чем просто телефонное общение — теперь через мобильный телефон можно обмениваться сообщениями (видео, аудио, текстовыми), отправлять электронную почту, выходить в Интернет, получать самые свежие новости. На 2008 г. число владельцев мобильных сотовых телефонов составило около 71 % населения страны, из них у 47 % есть возможность выхода в Интернет, правда пользуются такой возможностью всего 15 %. Самое печальное, что 13 % даже не представляет, обладают ли их телефоны возможностью выхода в Интернет, хотя в 2007 г. таких было всего 12 % [5]. Мобильный Интернет у нас в стране приобрел больше характер развлекательный,

так как основная масса пользователей Интернета через мобильный телефон состоит из молодых людей в возрасте от 18 до 23 лет.

Рассмотрим динамику распространения домашних персональных компьютеров (ПК). В 2002 году домашний персональный компьютер был всего у 6 % населения нашей страны; уже через 5 лет — в 2007 г. — компьютер был у 27 %, а у 2 % населения их даже было несколько. Таким образом, этот показатель за 5 лет увеличился в 6,5 раз [6]. При этом доступ к Интернету имеют только 43 % владельцев ПК. В основном компьютеры используются в развлекательных целях: 40 % пользователей используют их для просмотра фильмов, фотографий, прослушивания музыки, компьютерных игр и т.д.; 20 % — используют для работы; 18 % — для обучения и повышения образовательного уровня; 18 % — для поиска и получения информации, новостей в Интернете [6]. Если посмотреть на перспективу, то из тех, у кого нет персонального компьютера дома, желание купить его изъявила только половина, а точнее 49 %. Из них 30 % хотели бы пользоваться компьютером в образовательных целях, 18 % использовать для поиска и получения информации, новостей в Интернете, 13 % компьютер нужен для работы, а 28 % потенциальных пользователей компьютер нужен для развлечений [6]. То есть следует полагать, что в недалеком будущем статус компьютера как платформы для развлечений не утратит актуальности, но вместе с тем он все больше будет использоваться для образовательных целей и работы. Есть основания ожидать также, что распространение домашних персональных компьютеров продолжится и их число будет расти.

Но есть и негативная сторона. По данным Института социологии РАН, сегодня «у 70 % жителей России его (*компьютера*. — Ю. А.) нет, а 60 % — понятия не имеют, как им пользоваться» [7]. 45 % населения не желает приобретать компьютер. При этом основная причина — «ненужность» (51 %). Другие причины: «возраст не тот» — 19 % и «дороговизна» — всего 14 %. На вопрос: «Может ли породить компьютер дома негативные последствия?», 41 % считает, что нет, а 31 % — что может. При этом 45 % респондентов потенциальный негативный эффект видит в том, что «компьютер ухудшит их здоровье и будет воздействовать на психику», 13 % считает, что «может появиться зависимость от компьютерных игр», и по 8 % набрали опасения «слишком большая трата свободного времени» и «вредное влияние на развитие детей» [6]. Как можно видеть, около половины опрошенных, по сути, иррационально считают, что компьютер, который призван упростить и сделать более доступным поиск и обмен информацией, представляет некое «зло» по определению. Это полностью соответствует тенденциям современной мифологизации техники, наиболее сильным и амбивалентным в отношении быстро растущих и активно развивающихся отраслей научнотехнического развития [8].

Проанализируем ситуацию с Интернетом в России. В 2002 г. пользователей Интернета насчитывалось 8,7 млн человек; уже к концу 2007 г. их стало 29,4 млн человек, то есть этот показатель возрос в 3,4 раза. Интернет в России приобретает все большую популярность [8]. Правда, следует учесть, что около 55 % аудитории Интернета находятся в Москве, так что на остальную Россию приходится порядка 13 — 14 млн пользователей. В 2007 году, согласно ежегодному экспертному докладу Всемирного экономического форума в Давосе, Россия по числу пользователей Интернета заняла 70-е место из 122 стран-участниц. При

составлении этого рейтинга принималась во внимание не только развитость IT-рынка государства, но и степень его влияния и проникновения в другие сферы (например, в образование), а также успешность политики властей по развитию информационных технологий. В число первых десяти наиболее развитых в этом отношении стран вошли: Дания, Швеция, Сингапур, Финляндия, Швейцария, Нидерланды, США, Исландия, Великобритания и Норвегия. Общая доля пользователей Интернета в России составила 26 % населения; доля пользователей Интернета в развитых странах значительно выше, например, в Австралии — 72 %, в Германии — 63 %, в Великобритании — 63 %, в Испании — 53 %, в Италии — 52 %, и т. д. [9].

Каковы существенные особенности ситуации, сложившейся в сфере развития Интернет-коммуникаций в нашей стране? Для начала следует проанализировать соотношение основных мест подключения к Интернет. На первом месте по популярности находится «дом»; дома имеют выход в Интернет 19,3 млн человек (66 % пользователей). Далее, «по месту работы» Интернетом пользуются 12,3 млн человек (42 %); затем «у знакомых и друзей» — 4,1 млн человек (14 %); «по месту учебы» — 3 млн человек (10 %), «с помощью сотовой связи» — 2,2 млн человек (8 % пользователей). Завершает эту группу Интернет-кафе: 2 млн человек (7 %) [9]. Из приведенных данных можно сделать вывод, что почти у половины пользователей Интернет рабочие места оборудованы компьютерами и средствами доступа в глобальную сеть, и организации, в которых они работают, стараются не отстать от общемировой тенденции к получению и обмену информацией.

Если распределить Интернет-аудиторию по возрастному признаку, то мы получим следующие результаты: 18–24 лет — 31 %, 25–34 лет — 30 %, 35–44 лет — 21 %, 45–54 лет — 14 % и старше 55 лет — 5 % [9]. Возрастная группа от 18–24 лет пользуется Интернетом в учебных и развлекательных целях; группа 25–34 лет — в рабочих, развлекательных и учебных целях; 35–44 лет — в основном, в рабочих целях. Из этих данных можно сделать следующий вывод, что пользование сетью Интернет в России носит в первую очередь развлекательный характер, а уже потом информативный. В подтверждение этим словам можно привести цифры. При ответах на вопрос «Какими из средств массовой информации обычно пользуется население, чтобы узнать о последних событиях в стране?», Интернет занял лишь 9-ое место с 9 %, уступив место центральному телевидению — 90 %, центральным газетам — 30 %, областному телевидению — 29 %, центральному радио — 26 %, местным газетам — 26 %, местному телевидению — 25 %, областным газетам — 12 % и областному радио — 9 % [10].

Если оценить финансовое поведение пользователей Интернета, то 56 % (14,6 млн человек) месячной Интернет-аудитории искали информацию о том или ином товаре или услуге, которую они хотели приобрести; оплачивали товар или услугу в Интернете 15 % (3,9 млн человек) месячной аудитории [10]. Что же именно оплачивали с помощью Интернета пользователи? 47 % указали на «скачивание музыки, видео, книг»; 31 % — «товары (цифровая и бытовая техника, одежда)»; 30 % — «пользование сотовым телефоном»; 29 % — «пользование Интернетом»; 22 % — «Интернет-услуги (хостинг, размещение рекламы)»; 18 % — «программное обеспечение, компьютерные игры»; 12 % — «информация, отчеты, подписка на данные»; 12 % — «участие в Интернет играх»; 11 % — «авиа-, железнодорожные билеты»; 11 % — «билеты в театр,

на концерты»; 9 % — «подарки, цветы»; 9 % — «услуги Интернет-телефонии»; 7 % — «коммунальные платежи»; 6 % — «спутниковое, кабельное телевидение»; 6 % — «заказ, бронирование гостиниц»; 4 % — «погашение кредита»; 3 % — «продукты»; 3 % — медикаменты [11].

Таким образом, несмотря на то, что на сегодняшний день условия и предпосылки формирования информационного общества в нашей стране в целом сложились, а за последние пять лет произошёл немалый информационный скачок в распространении и использовании компьютеров, мобильных телефонов, средств информационного обеспечения, уровень развития информационно-коммуникационных технологий в России остается низким. Также существуют проблемы, связанные с негативным отношением к компьютерной технике, люди в компьютерах зачастую видят не помощника, а врага своему здоровью и психическому состоянию. В связи с этим государство должно вести борьбу с компьютерной безграмотностью, повышать осведомленность населения о положительных эффектах применения новейших информационно-коммуникационных технологий.

Очень важным направлением для развития информационного общества являются инвестиции в информационно-коммуникационную сферу. Здесь можно будет позимствовать опыт у более развитых стран, которые привлекают в реализации таких программ, не только национальный, но международный капитал. Таким образом, ключевая задача государства — это создание стимулирующих условий для увеличения объема инвестиций в информационную область. На сегодняшний день одной из самых прибыльных сфер вложения капитала является индустрия информационно-телекоммуникационных технологий и услуг, что подтверждает уже имеющийся опыт ряда стран. Таким образом, в реализации государственных проектов в области высоких технологий, есть реальная возможность российским государственным органам пополнить бюджет не только за счет стандартных источников. Все эти задачи требуют оперативного решения, так как Россию никто не будет ждать в погоне за информационным превосходством.

Библиографический список

1. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — С. 42.
2. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн. — М.: Кучково поле, Канон-пресс-Ц, 2003. — С. 26.
3. О федеральной целевой программе «Электронная Россия» (2002–2010 годы): Постановление правительства РФ от 28.01.02 № 65 // Документ не опубликован; текст документа: справочная правовая система «Консультант плюс».
4. Основные показатели развития телефонной связи общего пользования и подвижной связи. Режим доступа к изд.: http://www.gks.ru/bgd/regl/b07_13/lssWWW.exe/Stg/d04/18-05.htm. — Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
5. Интернет в России. Режим доступа к изд.: <http://www.levada.ru/press/2008022602.html>. — Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
6. Домашние компьютеры. Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/cat/home_fam/dd063424. — Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.
7. Свобода. Неравенство. Братство: Социологический портрет современной России / Авт.-сост. Е.П. Добрынина; под общ. ред. М.К. Горшкова. — М.: ИИК «Российская газета», 2007. — С. 185.

8. См.: Лебедев, С.Д. Мифотворчество как социокультурный фактор функционирования современного технического знания: дис. ... канд. социол. наук. — Белгород: БелГТАСМ, 1996. — С. 95.

9. Интернет в России / Россия в Интернете. Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/int0704. - Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

10. СМИ: предпочитаемые каналы информации. Режим доступа к изд.: <http://bd.fom.ru/report/map/d073121>. — Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

11. Финансовое поведение в Интернете: практики, проблемы, ожидания. Режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/cat/smi/smi_int/otdn0701. — Систем. требования: IBM PC; Internet Explorer.

АКУЛОВ Юрий Валерьевич, аспирант кафедры социальных технологий.

Статья поступила в редакцию 18.03.08 г.

© Ю. В. Акулов

УДК 008:1

В. С. БОЛТУНОВ

Омский гуманитарный институт

КОНЦЕПЦИЯ «ДВУХ КУЛЬТУР» В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Представленная концепция «двух культур» освещает проблему маргинального положения духовности в общей культуре современного общества потребления.

Подсчитано: существует более 200 определений культуры за всю историю существования этого понятия — от возделывания, обрабатывания, воспитания до творения духовных смыслов. Несмотря на такую широту толкования, культура как «творческая деятельность человечества во всех сферах бытия и сознания... направленная на преобразование действительности» [1, 225], сводится философской рефлексией (философией культуры) к двум направлениям, к двум взаимосвязанным, взаимопроникающим, но всё же двум отдельным в смысловом выражении сферам существования — культура материальная и духовная.

Новейшая история России — социальные перемены постперестроечного периода на рубеже двух веков — представляет нам почти полное разрушение культуры советского общества и длительный период духовного безвременья, потери ориентиров для реализации человеком его духовных потенций. Закономерности этого состояния до сих пор не выявлены в должной мере — в той, чтобы выявление и формирование научной парадигмы позволило бы новому социуму выйти из фазы распада культуры.

Отражением духовной культуры, духовной стороны жизни общества предстаёт общественное сознание. В марксистской философии общественное сознание имело вторичное значение; оно не просто рассматривалось на втором месте во взаимосвязи с общественным бытием, а *допускалось* в философской рефлексии всего лишь для «конкретизации основного вопроса философии в применении к обществу» [1, 331].

С крахом советской системы на смену установкам в духовной культуре, догматическим и во многом ложным по сути, но игравшим хоть какую-то положительную роль в жизни общества, пришли элементы псевдокультуры, направленные на обслуживание материальной сферы, на развлечение одних и отвлечение других от сугубо материальных забот. Общество, развитие которого основано на совершенствовании только материального производства, можно характеризовать как тоталитарное, где происходит всеобщее зомбирование людей не только отвлечёнными

идеями («свободный рынок», «частная собственность» и т.д.), а ежечасным информированием об удачных сделках и обогащении, о «культуре» потребления и силе богатства. Такой тоталитаризм (как и подчинение всего и вся созданию материальной базы коммунизма в недалёком прошлом) — это противостояние духовной свободе; в бесконечной гонке за материальным успехом он не допускает какого-то, даже малого отвлечения человека на *пустую* духовную работу.

Но во все времена шёл процесс альтернативного осмысления цивилизации и культуры — работа души и философская рефлексия. И в современном обществе существует оппозиция рыночному, одностороннему развитию общества со стороны тех, кто придерживается в этом приоритета духовных ценностей.

Промышленная и научно-техническая революции стали предпосылками к резкому взлёту материальной культуры — к совершенствованию средств производства, предметов комфорта, средств коммуникаций. И совсем в незначительной степени от этих достижений обогатилась духовная культура человека. Такое разбалансирование двух сфер культур уже содержит в себе зародыш культурного конфликта, который проявляется в общественном сознании в виде оппозиции духовного мировоззрения — рационалистическому.

Этот процесс отмечен О. Шпенглером в начале XX века: «Рационалистическая цивилизация, в состоянии которой находится европейская культура, есть деградация духовных ценностей, и такая культура обречена» [2, 17]. В книге «Закат Европы» замечено, что «век бурно развивающихся естественных наук и техники открывает свою обратную сторону — божья перед угрожающей действительностью, предчувствие гибели». Возможно, прогноз в отношении западной, «фаустовской», как называл её немецкий философ, культуры оправдался бы, если бы культура не существовала во взаимодействии с «локальными культурами» [3], значение которых Шпенглер недооценивал. Локальные культуры, в том числе российская, находились и находятся на разных стадиях развития материального производства, имеют различные по

степени достижения материальной культуры и различные взгляды на свободу, на приоритеты в ней экономического и духовного. Соответственно, по-разному оценивается прогресс цивилизации и причины, порождающие её кризис.

А в середине прошлого века концепцию «двух культур» ввёл английский философ и писатель Ч. П. Сноу [4]. Придерживаясь материалистической точки зрения на роль науки как важной составляющей производительных сил в современном материальном производстве, Сноу, тем не менее, отмечает её изоляцию от духовной культуры, выражающуюся в прямом отчуждении, в непонимании представителями двух сфер культуры друг друга. Такое положение дел усугубляет размежевание «двух культур», исключая даже культурный диалог между собой и оппонирование различных точек зрения. Представитель двух культур одновременно, учёный-физик и писатель Ч. Сноу считал необходимым внести в общественное сознание вопрос о моральной оценке достижений науки, т.к. часто наука становится вещью в себе, видя в лучшем случае лишь положительную свою роль в совершенствовании производства и материальной культуры. Наука игнорирует социально-нравственные последствия прогресса материальной культуры, прежде всего, — духовную разобщённость людей, а такая разобщённость ведёт к повышению угрозы войн и социальных конфликтов.

Человеческая цивилизация на современном этапе (особенно её западная ветвь) столкнулась с разбалансированностью развития двух сфер культуры. Поэтому сейчас «многие теоретики связывают судьбы мира с философским постижением культуры в целом или культуры отдельного народа» [5, 3]. Необходимо постичь как раз духовную, метафизическую сущность культуры, от чего зависит вопрос выживания человечества.

Духовная сторона жизни общества всегда находит адекватное отражение в общественном сознании, которое представляет собой с точки зрения диалектического взгляда на культуру «систему оппозиционных вариантов, играющих роль культурных "противовесов"» [6, 412].

Эти «оппозиционные варианты», или идейные течения, находясь во взаимодействии (оппонировании друг другу), имеют положительное значение, как для развития общественного сознания, так и для духовного обогащения отдельной личности. Таково было значение Ренессанса, который потеснил теософию, ограниченную по своей схоластике и догматизму, антропософией. Новое течение — гуманизм — привело к секуляризации общественного сознания и, как следствие, — к секуляризации государственных институтов. К светскому государству стали предъявляться совсем другие требования в управлении обществом. Перестал действовать основной, стержневой принцип управления как проведения воли Божьей Его помазанниками на земле. Светская власть становилась регламентированной правом.

Жизнь человека в обществе до секуляризации сознания была построена на *теодицеи* — богооправдании всего происходящего в мире, в том числе действий верховной власти. В светском же государстве требования к праведности власти сместились в сторону *писаных* законов в ответ на законопослушание верноподданных или граждан (в республиках). Но порочность людей, поставленных у власти не от Бога,

привела к порочности самой власти, к недовольству ею в обществе. Так вокруг «неправедной власти» (характеристика молодого Пушкина) стали назревать социальные конфликты, которые на изначальной стадии имели характер культурных конфликтов — вокруг общественно-политических проблем выкристаллизовывались идеи, оформлялись идейные течения, оппонировавшие официальной политике и идеологии. Оппонирование идей в полной мере нашло отражение во всех формах общественного сознания, в том числе — в художественном слове.

Аксиологическое осмысление приоритетов — материального или духовного — в иерархии человеческих ценностей подводит к двум противоположным точкам зрения. На бытовом уровне это противостояние сводится к разрешению дилеммы: жить, чтобы есть (наслаждаться — в широком смысле) или — есть (потреблять), чтобы жить (в значимом, философском смысле слова). Эта онтологическая дилемма связана и со свободой личности: для её достижения при том или другом устремлении человек сталкивается с ограничениями в выборе средств и с ощущением несвободы.

Процесс взаимодействия двух направлений — радикально-революционного и духовно-эволюционного — составлял сущность общественного сознания и формировал особую культуру общества. Анализ освободительной идеи на достаточно длительном отрезке времени позволяет представить её как особенность в смене культур в современной истории. Следы этой идеи теряются в глубине веков, но воздействие освободительной идеи на историю начинается с середины XVIII века, с эпохи Французского просвещения [7].

Интересен ретроспективный взгляд на роль идейных течений в общественном сознании в России XVIII — XIX веков, так как современное состояние духовной культуры во многом обусловлено духовными поисками мыслителей того времени, их удачами на этом пути, а больше, может быть, — их неудачами. Поэтому актуальной становится тема научного исследования оппонировавших течений в духовной культуре, формирования парадигмы цивилизации XXI века.

Библиографический список

1. Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. — М., 1986. — С.225 — 226.
2. Шпенглер, О. Закат Европы. — Ростов-на-Дону, 1998. — 837 с.
3. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа. — СПб., 1993. — 513 с.
4. Сноу, Ч.П. Две культуры. — М., 1973. — 142 с.
5. Гуревич, П.С. Философия культуры. — М., 2001. — 351 с.
6. Доброхотов, Н.А. Культура // Энциклопедический словарь. Философия. — М., 2004. — С.411-413.
7. Итоги противостояния духовно-эволюционной точки зрения революционно-материалистической подведены в книге Тарасова Б.Н. «Куда движется история?» (Метаморфозы идей и людей в свете христианской традиции). — СПб: Алетейя, 2001.

БОЛТУНОВ Валерий Сергеевич, соискатель по кафедре гуманитарных и политических дисциплин, редактор издательства.

Статья поступила в редакцию 21.04.08 г.

© В. С. Болтунов

СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОММУНИКАТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В статье представлен комплексный социально-философский подход к исследованию коммуникативных технологий в современном социуме.

Вопросы массового коммуницирования ввиду их тесного соотношения с фундаментальной социально-философской проблемой человека и общества являются актуальными на протяжении продолжительного периода времени. Широкомасштабное перманентное развитие коммуникативных технологий (КТ) не перестает стимулировать рефлексивный интерес к этому феномену. Несмотря на многочисленные изыскания, в данной исследовательской сфере сохраняется достаточно количество неизученных аспектов.

В силу того, что массовая коммуникация невозможна вне социального контекста, в общем виде выражающегося дихотомией человек/общество, ее социально-философское осмысление, на наш взгляд, следует задавать в соответствии с этим делением. Тогда анализ будет строиться, исходя из трех ракурсов, выделяемых на основе выявления воздействий, оказываемых коммуникативными технологиями, с одной стороны, на индивида, а с другой — на социальную реальность как бы фиксированную в статике, а также представленную в динамике. Следует указать, что подобного комплексного подхода к изучению многогранности и неоднозначности процессов массового коммуницирования в социуме до настоящего момента выведено не было. Тем не менее влияние коммуникативных технологий на индивида тематизировалось в работах Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Э. Фромма, Г. Маркузе, Г. Лассуэлла, Н. Пулантаса, Л. Альтюссера, М. Маклюэна, Б. Розенберга, Дж. Гербнера и др., вопросы конституирования социальной реальности ввиду действия КТ актуализировались Ж. Бодрийяром, Д. Бурстином, У. Липпманом, Г. Дебором, Д. Ивановым, Г. Емелиным и др., а корреляция КТ с развитием социума представлена в трудах Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса, Н. Постмана, Г. А. Инниса, М. Маклюэна, Ж. Бодрийера и др.

Исследование воздействия коммуникативными технологиями на человека, как правило, определяется проблемой ограничения свободы личности и сводится к констатации, что данный вид технологий способствует стандартизации, массификации, дегуманизации, фрагментации культуры. Все это изменяет характер отношений между человеком и обществом, создает угрозу разрушения личности. «Современные средства коммуникации разрушают многие конститутивные элементы в традиционной структуре человеческого опыта, вытесняют его и делают ненужным», «ставят человека под контроль», сужают его «реальные возможности свободного выбора в различных сферах жизнедеятельности» [1]. В целом данные утверждения справедливы, однако по нашему мнению, средства массовой коммуникации (СМК) и КТ, в частности, как раз способны наделить человека

тем (пусть зачастую основанном на недобросовестных приемах) опытом, которого у него никогда бы не было в отсутствии этих средств и технологий, т.е. фактически можно говорить именно о расширении опыта человека. В ситуации, когда личность не подвержена пусть хаотическому и фрагментарному потоку информации, когда ее контакт с СМК не установлен, скорее всего, ее мир (даже если допустить, что он остается целостным) все-таки является более суженым или, по крайней мере, не «современным», не соответствующим сегодняшней эпохе.

Эти рассуждения касаются человека, находящегося на месте так называемого объекта коммуникативного воздействия (по крайней мере, заявления по поводу ущемления свободы превращают его в такового). По нашему мнению, на настоящий период времени не получил должной рефлексии аспект воздействия КТ на индивида в лице не объекта, а, напротив, субъекта массовых коммуникаций. Очевидно, что последний попадает в достаточно серьезную зависимость от собственного конструируемого/сконструированного в СМК образа: он вынужден, по крайней мере, «на публике» выстраивать свои действия, коррелировать внешние качества, а также культивировать внутренние черты характера в соответствии с требованиями заданного конструкта. Так, относительно имиджей артистов Г. Почепцов пишет: «Все образы поп-звезд созданы имиджмейкерами. Им управляют внешние физические данные (зубы, прическа, осанка). Учат владеть литературным языком, петь, ездить верхом. Задан необходимый тип машины, домашнего животного, друга-подруги» [2]. Соответственно, эффекты КТ на индивида не следует рассматривать лишь сквозь призму его нахождения на месте реципиента. Необходимо учитывать и факт преобладания, которое претерпевает коммуникант.

Вторая намеченная нами грань исследования коммуникативных технологий в границах социального сводится к изучению воздействий на организацию социальной реальности. Многие мыслители утверждают, что спектакли [Дебор], псевдо-события [Бурстин], псевдо-факты [Липпман], симуляции [Бодрийяр], создаваемые СМК, маскируют, скрывают реальность либо «растворяют» ее совсем. Действительно, образы, тиражируемые коммуникативными технологиями, настолько вездесущи, что они приобретают гиперреальный характер: становятся более реальными, более доступными для человека, их воспринимающего. Тем не менее, в противовес распространенной концепции симулякра, мы склонны утверждать, что камуфлируемая реальность не исчезает, а продолжает свое существование и, более того, может получать развитие именно за счет образов.

Мы выделяем два пути создания образов передающей стороной — при интерпретации уже состоявшегося события и на основе организации событий действительности, самих по себе не имеющих значимости и ценности, но необходимых для достижения целей определенным субъектом. В первом случае мы имеем дело с псевдо-реальностью, а во втором — с фальш-реальностью. Соответственно, в результате конструирования образа КТ происходит некоторое расслоение реальности, и организация социальной реальности представляет собой сочетание фальш-, псевдореальностей и заслоненной ими более подлинной реальности, названной нами реал-реальностью. С нашей точки зрения, образ и реальность — взаимозависимы: с одной стороны, фальш- и псевдо-реальность формируются и задаются конкретными условиями реальности, а с другой — и трансляция образа и сознательное искусственное его создание предполагает обратную реакцию именно к реальности (реал-реальности), направлено на ее развитие, иначе вся стратегическая массовая коммуникация была бы бессмысленна.

Представленная нами концепция, таким образом, может дополнить существующие на данный момент подходы к организации социальной реальности, т.к. она строится с учетом такого важнейшего компонента современного социума как коммуникативные технологии.

Третий и последний обозначенный нами ракурс в изучении КТ сводится к выявлению обусловленности социального развития действием этого вида технологий.

У. Липпман [3] обосновал тезис, что большая часть публичного мира находится вне достижения отдельного человека, следовательно, он черпает значительную часть сведений по социально значимым вопросам через посредство коммуникативных технологий. СМК и КТ способны создавать конструкты, не соответствующие действительности: это может быть метафорически сопоставимо с риторическими приемами при интерпретации события либо даже с софистическими методами подмены подлинной реальности фальш-реальностью. Образы заслоняют собой действительность и являются для реципиента доступным источником информации (уже искаженной), т.к. в данном конкретном случае другого ему не дано. Согласно теореме У. Томаса, то, что воспринимается как реальное, — реально по своим последствиям [4]. На основании этих четырех положений можно вывести заключение, что человек в большинстве случаев в принятии решений руководствуется фальш- и псевдореальным, т.е., что за счет фальш- и псевдо-реальности происходит развитие подлинно реального (реал-реального). Приведем характерный пример: «На одном из искусственных водоемов Австралии в один из воскресных дней собралось около 15 тысяч человек с рыболовными снастями. Дело в том, что компания по производству рыболовных принадлежностей объявила, что в воду озера выпущена особо помеченная рыба. Поймавшему ее рыболову присуждался приз 50 000 долларов. Рыбакам, отловившим за день 10 000 рыб, так и не удалось поймать «золотую рыбку». А компания, продавшая огромное количество удочек и спиннингов, хорошо заработала за одно воскресенье» [5].

Безусловно, фальш- и псевдо-реальность могут выступить источником манипуляции. В. Пелевин по поводу современных КТ пишет: «Технологии редактирования воздействуют на то, что мы видим, ... на то, что думаем. ... если они применяются в комбинации и

делается это тонко, так, что методы сменяют друг друга постоянно, а их интенсивность все время остается на границе восприятия, достигается практически стопроцентная точность манипулирования...» [6]. Итак, наше восприятие и действия предопределяемы.

Подобные рассуждения поднимают вопрос о технологическом детерминизме — о том, в какой степени коммуникативные технологии способны оказывать влияние на социум через управляемые действия людей.

В работах таких мыслителей как Н. Постман, Г. А. Иннис, М. Маклюэн, Ж. Бодрийяр средства массовых коммуникаций выдвигаются на роль единственного фактора и движителя социальных изменений; этапы развития СМК маркируют собой переходы от одной эпохи к другой. Эти позиции относятся к технологическому детерминизму, причем обозначим его как «жесткий».

Мы предлагаем взглянуть на социальные трансформации в корреляции с коммуникативными технологиями не через эволюцию форм последних, а скорее, через содержание, которое они до нас доносят. В этом контексте правомерно говорить о конструировании социальных процессов с помощью коммуникативных технологий лишь в том случае, когда полученная информация коррелирует с транслируемой, а точнее, когда ответная реакция реципиента соответствует целям передающей стороны.

Если обратиться к теоретическим разработкам Н.С. Розова, согласно которым исторические события имеют своими последствиями существенные изменения социальных функций и социальных способов в масштабе всего общества [7], то следует понимать, что организуемые с помощью КТ события фальш-реальности, а также события, происходящие в результате рефлексии на фальш- и псевдо-реальность как никакие иные представляют собой «пыль» [Бродель] в глобальном историческом времени-пространстве. Но если принять во внимание, что все, начиная от идеологии, пропаганды, формирования мировоззрения, и заканчивая организацией революций и даже военных действий (например, на вопрос одному пиарщику о том, что может спасти В. В. Путина с его максимально низким рейтингом в момент вхождения во власть, ответом стало: «Маленькая победоносная война...» [8]), не лишено тени технологий паблик рилейшнз, то, вероятно, корректнее говорить, что социальная трансформация определяется масштабностью организованной с помощью КТ коммуникативной ситуации, которая в свою очередь зависит от целей инициирующего ее субъекта.

И. Л. Викентьев выделяет четыре вида воздействия КТ на «Клиента»: на первом уровне вероятность того, что человек хотя бы запомнил информацию — минимальна, на втором уровне эта вероятность возрастает, на третьем — обнаруживается готовность к действию, и лишь на четвертом уровне эта готовность переходит в действие [9]. Исследование Викентьева показывает, что процесс программирования коммуникативными технологиями необходимого поведения достаточно сложный, но, тем не менее, он является фактом.

Авторитетные авторы в сфере медиатехнологий А. Бриггз, П. Кобли, посвящая свою работу именно результативным приемам, замечают, однако: «нельзя согласиться, что управление информацией всегда равнозначно полному контролю над властью в обществе» [10].

Многие современные исследователи, например, Д. Рашкофф склоняются к мнению, что «никто не

воспринимает медиа-мейнстрим всерьез. Выросши на диете из медиа-манипуляций, все мы начали понимать, из каких ингредиентов слагаются эти махинации» [11]. Рашкофф констатирует, что в эпоху «интерактивного телевидения» индивиды, «вскормленные медиа», «свободны отвечать телевизору, высказывая вслух свои мнения или используя дистанционные пульты, джойстики, телефоны» [12]. По нашему мнению, на настоящий период времени интерактивность в большинстве случаев лишь артикулируется: форма и содержание «интерактивности» предопределяется медиа, выбор ответов на поставленный вопрос является ограниченным, сам вопрос — предзаданным, звонки и видеосюжеты, подготовленные простыми людьми, могут быть не пропущены в эфир. По этому поводу В. Пелевин высказывается словами одного из героев «Шлема ужаса»: «Представь себе, что ты смотришь боевик и сам решаешь, кто кого застрелит. Если ты выберешь, чтобы главного героя убили в первой перестрелке, куда денется весь сюжет? ... Поэтому на самом деле никакой интерактивности не бывает — она кажущаяся. Или, скажем так, она допускается в той узкой зоне, где любой выбор не изменит сути дела. Главная проблема как раз в том, чтобы избавиться от свободы выбора, жестко подвести к нужному решению, сохранив уверенность, что выбор свободный. По научному это называется принудительным ориентированием» [13].

Еще одно ограничение на «всевластие» медиа накладывают когнитивные установки реципиента. Классики психологической науки Ф. Зимбардо и М. Лайппе описывают сопротивление влиянию: «...убеждающие сообщения — и даже очень сильные — иногда бывают совершенно неэффективными. Люди часто игнорируют сообщения, если чувствуют, что они противоречат их убеждениям, оспаривают сообщения, которые не могут игнорировать, и по возможности искажают смысл тех сообщений, которые они не могут опровергнуть» [14].

Кроме данных когнитивной психологии, можно привести высказывание Р. Барта: «...число возможных прочтений одной и той же лекции (одного и того же изображения) индивидуально варьируется...она зависит от различных типов знания, проецируемых на изображение (знания, связанные с нашей повседневной практикой, национальной принадлежностью, культурным, эстетическим уровнем) ... оказывается, что изображение может быть по-разному прочитано несколькими разными субъектами, и эти субъекты могут без труда сосуществовать в одном индивиде... Язык изображения — это не просто переданное кем-то (например, субъектом, комбинирующим знаки или создающим сообщения) слово, это также слово, кем-то полученное, принятое...» [15].

Очевидно, что объект, на которого направленно информационное воздействие, может не принять, не понять, неадекватно проинтерпретировать информацию или прореагировать на коммуникативный послыл субъекта неожиданным образом.

Д. Слес говорит о том, что как межиндивидуальное, так и массовое взаимодействие сводится, скорее, к непониманию, нежели к пониманию: «если вы попросите телезрителей после только что закончившейся программы новостей, рассказать о чем был выпуск, то большинство из них не сможет этого сделать, а если даже и сможет, то их интерпретация с большой степенью вероятности будет неверной» [16]. Также Слес приводит аргумент, что большинство сложных документов-форм, а также разного вида опросники заполняются неправильно. Далее он кон-

статирует, что даже тот, кто создает сообщение, не способен воспринять его объективно. Опираясь на Л. Витгенштейна, исследователь утверждает, что люди, читая сообщения, пользуются набором доступных им и подходящих на данный момент правил. Это делает коммуникацию, по его мнению, совершенно непредсказуемой.

Д. Слес выделяет следующие причины, осложняющие предсказуемость коммуникации: 1) субъективность (мы всегда должны учитывать, кто читает сообщение, при каких обстоятельствах и т.д.); 2) факт существования лжи свидетельствует, что коммуникация — это конструируемый, творческий процесс; 3) люди создают (извлекают) смыслы в соответствии с собственными, а не с чьими-либо еще, потребностями и ожиданиями.

Вероятно, это и обуславливает то, что с помощью коммуникативных технологий, людей постоянно пытаются стандартизировать, унифицировать, сформировать у них потребности, «подстроиться» к уже существующим стереотипам и прочее в обход их психологических, субъективных, когнитивных барьеров, методами, к «которым еще не выработался иммунитет» [17].

Ввиду сказанного целесообразно сделать вывод, что утверждения по поводу трансформации социальной реальности исключительно с помощью КТ, безусловно, являются недостаточно обоснованными. Мы считаем, что на настоящий момент, корректнее говорить не о жестком, а об умеренном технологическом детерминизме, что предполагает потенциальную способность коммуникативных технологий вносить изменения в организацию и развитие социального, например, на основе создания фальш- и псевдо-реального. В целом подобная умеренность соотносится со следующим уклончивым замечанием Дж. Клаппера: «...массовая коммуникация, как правило, не является необходимым и достаточным источником изменений, но скорее функционирует через сеть опосредующих факторов и влияний», хотя «сохраняются определенные исключительные ситуации, в которых, по-видимому, массовая коммуникация способна оказывать прямое влияние» [18].

Итак, КТ обладают потенциалом манипулирования. Но, по нашему мнению, их действие в социуме не следует расценивать как абсолютно негативное, деструктивное для индивида, находящегося в ранге объекта коммуникативного взаимодействия. Наряду с существующими когнитивными барьерами человек способен к критическому осмыслению происходящего и транслируемого, он обладает возможностью сознательно прервать контакт с СМК, занять маргинальную, альтернативную позицию, занять творчество и самостоятельность в решении социально значимых задач (уже другой вопрос касается того, есть ли у него стремление, желание к реализации этих возможностей).

Согласно нашей точке зрения, для адекватного понимания серьезной и неоднозначной роли коммуникативных технологий в современном социуме необходим комплексный подход. Считаем, что подобный подход может быть получен на социально-философском уровне рефлексии. В соответствии с основополагающей дуадой человек/общество, нами было предложено два направления изучения КТ: с позиции воздействия на индивида и на общество в целом, причем, влияние данного вида технологий на последнее выражается в особой организации социальной реальности, а также в определенном способе ее трансформации. Следовательно, мы имеем три ракурса социально-

философского анализа феномена коммуникативных технологий. Рассматривая последовательно эти аспекты, мы пришли к следующим выводам: 1) эффекты КТ на индивида не следует сводить лишь к воздействию на объект массовых коммуникаций (и, кроме того, считать их абсолютно негативными); субъект, инициирующий коммуникативных процесс, тоже подвергается некоторому влиянию; 2) современная социальная реальность может быть представлена как включающая псевдо-, фальш- и реал-реальность; 3) коммуникативные технологии содержат в себе потенциал манипуляции: трансформация социального возможна в ответ на созданную КТ фальш- и псевдо-реальность, однако подобное изменение носит лишь вероятностный характер.

Библиографический список

1. Трунов, А.А. Технологии «публич рилейшнз» в трансформирующейся цивилизации модерна / А.А. Трунов // <http://diss.rsl.ru/diss/03/1113/031113040.pdf>.
2. Почепцов, Г.Г. Паблич рилейшнз для профессионалов / Г.Г. Почепцов. — М.: Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2000. — С. 357.
3. Lippman, W. Public opinion / W. Lippman. — NY, 1965.
4. Мертон, Р. Самоисполняющееся пророчество / Р. Мертон // <http://www.journal.prognosis.ru/a/2006/05/10/82.html>.
5. Викентьев, И.А. Приемы рекламы и public relations / И.А. Викентьев. — СПб.: ТРИЗ-ШАНС, Бизнес-пресса, 2007. — С. 169.
6. Пелевин, В. Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин // <http://www.koob.ru>.

7. Розов, Н.С. Философия и теория истории / Н.С. Розов. — М.: Логос, 2002. — С. 196.
8. Трегубова, Е. Байки кремлевского диггера / Е. Трегубова. — М.: Книга, 2003. — С. 203.
9. Викентьев, И.А. Приемы рекламы и public relations / И.А. Викентьев. — СПб.: ТРИЗ-ШАНС, Бизнес-пресса, 2007. — С. 31-34.
10. Медиа. — М.: ЮНИТИ-Дана, 2005. — С. 84.
11. Рашкофф, Д. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание / Д. Рашкофф // http://www.rurashkoff_mediavirus.html.
12. Там же.
13. Пелевин, В. Шлем ужаса. Креатифф о Тесее и Минотавре / В. Пелевин // <http://www.koob.ru>.
14. Зимбардо, Ф., Ляйппе, М. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. — СПб.: Питер, 2000. — С. 223-224.
15. Барт, Р. Риторика образа / Р. Барт. — М.: Мысль, 1994. — С. 297-318.
16. Sless, D. Unpredictable mass communication / D. Sless // <http://www.communication.org.au>.
17. Почепцов, Г.Г. Информация и дезинформация / Г.Г. Почепцов. — Киев : Ника-Центр, 2001. — С. 6.
18. Klapper, J. The Effects of Mass Communication / J. Klapper. — NY, 1961. — P. 8.

ШЕРЕМЕТ Анна Александровна, аспирант кафедры философии.

Статья поступила в редакцию 14.05.08 г.

© А. А. Шеремет

УДК 165

Н. М. ГОЛИК

Саратовский
государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И РЕАЛЬНОСТЬ КАК БАЗИСНЫЕ ТЕМЫ ФИЛОСОФИИ НАУКИ

Рассматриваются актуальные проблемы современной философии и методологии научного познания — проблемы реальности научного знания и рациональности научного исследования в их взаимосвязи. В результате анализа выявлены различные аспекты научной рациональности и ряд форм реализма, исследована их связь с концепциями истины.

*...Мы хотим знать, что действительно
реально и что подлинно рационально.*

Я. Хакинг

Одна из центральных идей европейской философской традиции — отношение бытия и мышления (соответствие мысли и мира), — проникая в науку, трансформируется в идею соотношенности научного мышления и «научного бытия». Так Г. Башляр, например, главное направление в науке XX века связывает с двумя фундаментальными философскими сущностями. Они спокойно уживаются в современном научном сознании, и обозначаются классическими терминами «рационализм» и «реализм» [1, с. 28]. Находясь в тесной взаимосвязи, противоборствующи-

щие философские направления дают импульс науки, благодаря которому последняя способна упрощать реальное и усложнять разум. Собственно, проблема возникает тогда, по мнению Башляра, когда мы переносим «главную метафизическую проблему — относительно реальности внешнего мира — в саму область научной реализации» [1, с. 35].

Подобную мысль подхватывает Я. Хакинг, утверждая, что в современной философии науки существуют две основные темы — тема рациональности и тема реализма. К первой теме он относит вопросы, связанные с разумом, фактами и методом, ко второй — вопросы существования объективного мира, его истинности. И хотя эти вопросы тесно переплетаются, Хакинг больше говорит о том, что реально. Он объяс-

няет это тем, что, реальность больше относится к тому, что мы делаем в мире, чем к тому, что мы о нем думаем («высший суд в философии принадлежит не нашим мыслям, а нашим делам» [2, с. 45]).

Предлагаемое исследование ставит целью рассмотреть оба понятия (рациональность и реальность) во взаимосвязи, это позволит нам наиболее полно отразить суть каждого из них.

В современном познании наблюдается широкий интерес к феномену научной рациональности. Представители эпистемологии и философии науки говорят о кризисе идеи рациональности, об утрате четких критериев рациональности научного познания. По словам Хакинга, подобный кризис возникает около 1960 года, когда в старой традиции мышления произошли существенные изменения и очевидность роли разума в интеллектуальной конфронтации оказалась под сомнением. Хотя споры о разуме, разумном знании и реальности отнюдь не новы, их истоки восходят к античности, когда в философском сознании сознательно ставятся и обсуждаются проблемы «соизмерения человека и бытия», места человека в окружающем его мире. Подобная способность человека к упорядочению и адекватному освоению действительности, обеспечивающего гармонические отношения человека и мира, и кладется в основу мышления, проявляясь в основополагающей характеристике последнего — рациональности.

В науке особенность рационального познания мира, которая выражена системой концептуального аппарата, конструированием целостности («теоретического мира») посредством понятийных каркасов и др., занимает центральное место. В научном знании рациональность находит свое выражение в соответствии теоретической и предметно-практической деятельности по приращению знания. Посредством рациональности осуществляется проникновение научной мысли в сферу реальности, причем реальное здесь, по мнению Башляра, не обнаруживается, а доказывается.

При анализе понятия научной рациональности нами была выявлена включенность в содержание научной рациональности следующих аспектов и обнаружено их единство. Эпистемологический аспект (логичность, истинность, доказательность и др.) связан с вовлеченностью рациональности в систему теоретического знания. Методологический (отдельные методы, исследовательские программы, методологические установки), деятельно-целевой (цель, целесобразность, эффективность, экономичность) и нормативно-ценностный аспекты, составляя метапредметную область знания, образуют существенную часть рациональности. В результате научная рациональность предстает многомерным явлением, не сводимым ни к одной из, пусть даже универсальных, характеристик.

Гармоничное развитие науки напрямую зависит от отношения соответствия изучаемых объектов аспектам реальности, которые сформулированы в научной картине мира.

Проблема реализма — одна из центральных в философии. Темы реальности научного знания, его истинности и объективности представлены в концепциях научного реализма и нереалистических концепциях.

Сам термин «научный реализм» точно не определен, из-за разнородности направлений в современной философии науки, который он охватывает. Однако все эти направления объединяет общее — признание существования объективной реальности. Причем ре-

ально существуют не только непосредственно воспринимаемые материальные объекты, но и все объекты истинных научных теорий. Постулирование реальности есть, таким образом, необходимое условие не только развития науки в целом, но и начала любого научного исследования. А цель науки заключена в формировании истинной картины мира, описывающей (единственную!) реальность. В результате реалистическим представлением обычно соответствует корреспондентная теория истины, согласно которой условия истины определяются спецификой реальности. Хотя есть и исключения, как, например, релятивистская теория корреспондентной истины.

Философы науки различают ряд форм реализма. Так, к примеру, семантический реализм, занят проблемой связи языка и реальности, и в частности отношением соответствия смысловой стороны научных терминов реальным объектам (проблема референции). При этом главное значение приобретает проблема истины. Эпистемический реализм обосновывает вероятность достоверного знания, постулирует истинность либо ложность теоретических предложений. Метафизический реализм, утверждает онтологический статус объектов, совокупность которых и составляет независимую от сознания реальность. А также постулирование бивалентности (истинность/ложность предложения) и трансцендентности истины. Включение в научное знание метафизики, на взгляд ван Фраассена, отмечают исследователи, есть «маразм и провал» эпистемологии науки, т.е. «философское обоснование научного метода» [4]. Отдельно выделяют реализм относительно истины и обоснования — алетический реализм [3].

В рамках научного реализма, ориентирующего науку на познание реальности как данности, которая лежит вне науки, также выделяют — реализм относительно теорий и реализм относительно объектов. Подобное деление обусловлено, прежде всего, различной трактовкой уровней организации научного знания. Реализм научного знания, представляя мир посредством понятий, фактов, гипотез, законов и теорий, говорит, что целью последних является истина. Реализм научно-познавательной деятельности (вмешательство в мир через эксперимент, наблюдение, измерение) считает, что объекты теории должны действительно существовать. Позиция научного реализма, по утверждению Хакинга, полноценна только с учетом экспериментального начала в науке, где ученый-экспериментатор обязан быть реалистом. Ведь «научными реалистами нас делает не размышление о мире, а изменение его» [2, с. 11].

С критикой «научного реализма» выступают их оппоненты — инструменталисты, конвенционалисты, существенно расходясь с реалистическим определением «истины как соответствия с действительностью». Оппозиционным реализму является концепция «эмпирического конструктивизма» Б. ван Фраассена, причем последний, по мнению Хакинга, является антиреалистом «как относительно теорий, так и относительно объектов» [2, с. 8]. Так, в противоположность всем формам реализма, Б. Ван Фраассен утверждает, что научная деятельность — это «конструирование, а не открытие..., конструирование моделей, воспроизводящих наблюдаемые факты, а не открытие ненаблюдаемых сущностей» [5, с. 5]. Соответственно, цель науки, по ван Фраассену, состоит в «спасении явлений», то есть в детальном описании и моделировании наблюдаемых явлений. Наука дает нам лишь эмпирически адекватные теории (т.е. истинны только в отношении наблюдаемого), которые только

связаны с верой в истинность теории. Последнее коренным образом отличается от позиции реализма, который утверждает, что цель науки — предоставить теорию, которая бы воссоздавала реальность, как она есть, и при этом являлась истинной.

При анализе реалистических и анти-реалистических концепций необходимо учитывать всю сложность их взаимоотношения. Так, например, различия подобны установкам относительно предметов, не всегда ведет к различному пониманию истины (Д. Юм). А трактовка объектов теории с позиции реализма может «уживаться» с анти-реалистическим толкованием научного знания.

Очевидна связь проблем реальности и истины с философией языка. Так антиреализм Майкла Даммита, в сущности, заключен в его семантической теории. Именно теория значения определяет принципиальные расхождения между реалистами и антиреалистами. Эти расхождения, считает Даммит, относятся не к классу сущностей, а к классу предложений. В свою очередь, предложения либо имеют объективно-истинное значение (реализм), что, однако невозможно, по мнению Даммита, из-за ограниченности нашего знания о мире; либо должны верифицироваться, т.е. «должны быть поняты только со ссылкой на то, что считается подтверждающими данными для предложений этого класса» (антиреализм) [6, с. 91]. Таким образом, объективной истины, свободной от нашего знания о мире, не существует.

Особенность современной постановки проблемы видится в создании более гибкой концепции, которая бы адекватно воспроизводила установки, свойственные реализму, учитывая при этом современные интенции в осознании центральных проблем научного бытия и познания.

Пример такого стремления избежать антитезы реализм/антиреализм находим в концепции Х. Патнэма. Патнэм видит решение этой проблемы в преодолении противопоставлений между объективным и субъективным, догматическим и релятивным. Для этого американский философ отстраняется от «метафизического реализма», который он связывает с корреспондентной теорией истины, идущей от Аристотеля. Патнэм выстраивает новую концепцию истины, основанной на внутренней непротиворечивости и согласованности представлений и утверждений, — концепцию «внутреннего реализма» («интернализма»), развивая при этом идеи М. Даммита и Н. Гудмена об истине как «рациональной утверждаемости» и «когерентности». При этом Патнэм считает, что релятивизм, который может возникнуть в связи с подобной трактовкой истины, не только не есть следствие интернализма, но и что он вовсе несостоятелен. Из критики релятивизма, по мнению философа, следует объективность «плюралистичной» истины, которая определяется стандартами рациональной приемлемости. Но все же подобная «объективность» по сути есть не что иное, как простая общезначимость, которая не сможет до конца избавиться от релятивизма.

В этой связи интересна позиция «критериологического эгоцентризма» Н. Решера, в которой рациональным признаются нами же выбранные «стандарты

рациональности» как «оптимальные по отношению к имеющимся альтернативам» [7, с. 44]. Метакритериологическими стандартами рациональности, таким образом, в пределах «когнитивного релятивизма» Решера оказываются успех, практическая выгода и польза. Даже реальность определяется нашими установками, нами же устанавливаются и границы представления о мире. В результате мы имеем реализм, с идеалистическими мотивами.

Представители аналитической философии полагают, что объективизм в теоретическом знании приводит к субъективизму, а последний, в свою очередь, является основой скептицизма в науке. Так, любые «промежутки в нашем знании» расцениваются как «промежутки в действительности» [8, с. 389].

Таким образом, смысл дискуссии между реалистами и их оппонентами не в том, какова роль сознания в формировании реальности, или, напротив, реальности в своем влиянии на сознание, и даже не в том, есть ли вообще эта реальность. Смысл проблемы, на наш взгляд, состоит в том, как эту реальность выразить в концепциях философии науки.

Безусловно, проблемы реальности и рациональности не являются новыми для философии. Но сам факт введение этих проблем в оборот современной философии науки, их анализ подтверждают их важность. В результате краткого анализа приходим к выводу, что проблемы реальности научного знания и рациональности научного исследования, тесно переплетаясь друг с другом, создают почву для их дальнейшего комплексного рассмотрения и глубокого, адекватного осознания.

Библиографический список

1. Башляр, Г. Новый научный дух [Текст] / Г. Башляр // Новый рационализм. — М.: Прогресс, 1987. — 376 с.
2. Хакинг, Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук [Текст] / Я. Хакинг; перевод с англ. С. Кузнецовой. — М.: Логос, 1998. — 296 с.
3. Alston, W. A Realist Theory of Truth [Текст] / W. Alston // Ithaca. — N.Y.: Cornell University Press., 1996. — 320 p.
4. Печенкин, А.А. Антиметафизическая философия второй половины XX века: конструктивный эмпиризм Баса Ван Фраассена [Текст] / А.А. Печенкин // <http://portalus.ru/>
5. Fraassen, B C. van. The Scientific Image [Текст] / B.C. Van Fraassen / - Oxf.: Clarendon Press, 1981. — 293 p.
6. Пассмор, Дж. Современные философы [Текст] / Дж. Пассмор; перевод с англ. Л. Б. Макеевой. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 192 с.
7. Решер, Н. Границы когнитивного релятивизма [Текст] / Н. Решер // Вопросы философии. — 1995. — №4. — С. 35 — 54.
8. Norris, C. The perceiver's share: realism, skepticism, and response dependence [Текст] / C. Norris // Metaphilosophy LLC and Blackwell Publishing Ltd. — 2003. — № 4. — P. 387 — 424.

ГОЛИК Нина Михайловна, аспирант кафедры теоретической и социальной философии.

Статья поступила в редакцию 19.03.08 г.

© Н. М. Голик

РАСКОЛ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются причины и социальные последствия русского церковного раскола XVII столетия с точки зрения концепций социологии знания и виртуалистики. Предполагается, что в основе раскола церкви лежал раскол религиозного сознания, в котором сформировались две виртуальные картины мира (символические универсумы в терминах Бергера и Лукмана). Это привело к распаду русской нации на две религиозные группировки, единые в догматическом отношении, но резко расходящиеся в отношении к церковной обрядности.

Раскол Русской православной церкви, произошедший в середине XVII столетия по инициативе царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, явился одним из центральных моментов русской духовной истории и его причины обсуждаются в отечественной исторической литературе, начиная с первой половины XVIII века (сочинения Димитрия Ростовского, см. [1]). В дореволюционной историографии преобладала теологическая версия, объяснявшая раскол «еретичеством» старообрядцев, не пожелавших смириться с церковной реформой и не подчинившихся авторитету царя и патриарха (см. [2]). В советской исторической науке господствовал другой подход, когда события церковного раскола рассматривались как проявление классовой борьбы в России. Так, Н. М. Никольский писал, описывая различные старообрядческие движения, возникшие в XVII веке, что их объединяло нечто общее — «оппозиция против крепостнического государства и церкви как орудия его господства» [3: 186]. В такой упрощенной социологической трактовке бурные споры староверов и «никониан» о числе пальцев, используемых в перстосложении, о правильном написании имени Иисуса и т.д. оказывались только внешним (и второстепенным по сути) проявлением политических процессов, протекавших в России 350 лет назад.

Однако, если встать на точку зрения самого носителя религиозного сознания, эти теологические и обрядовые проблемы не только не являются вторичными, но представляют собой наиболее важную, существенную часть его веры, а в конечном итоге — и его жизни. Недаром старообрядцы XVII — XVIII веков готовы были умереть «за один аз», то есть не могли принять исправления даже единственной буквы в привычном для них тексте Писания [4]. Мельчайшее изменение текста рассматривалось как ересь, отречение от веры, а в конечном итоге — отказ от спасения души. Именно поэтому столь незначительная для рационалистического сознания «книжная справа» вызвала столь яростный протест в значительной части русского общества. По некоторым данным, из примерно 10 миллионов человек, населявших в те времена Московское царство, от 1/3 до 1/4 ушли в раскол [2].

Современные социологические теории, в частности, концепция «социологии знания» [5], позволяют предложить иной исследовательский подход к изучению причин русского церковного раскола XVII столетия. С точки зрения «социологии знания», реальность, «данная нам в ощущениях», не «отражается», а скорее «конструируется» индивидуумом или отдельными социальными группами, создающими (в терми-

нологии Бергера и Лукмана) особый «символический универсум» [5]. С. В. Тищенко [6, с. 275] дает следующее определение символического универсума: «это мир разделяемых всеми представлений и смыслов... который позволяет людям жить вместе одной группой, единым сообществом. Иными словами, это авторитетное и целостное видение того, что представляет собой мир: как он функционирует, что в нем важно, какое место в нем занимает человек. Таким образом, понятие символического универсума близко понятию картины мира, однако на первый план в нем выдвигается формирование этой картины как социальный процесс: процесс накопления, институционализации и легитимизации знания».

Принципиально значимым моментом в конструировании символических универсумов является то, что ни один из них не может (с объективно-логической точки зрения) претендовать на единственный и абсолютный характер. В данный момент в социуме могут сосуществовать множество альтернативных символических универсумов, каждая из которых создается определенной социальной группой и — до некоторой степени — отражает ценности и мировоззренческие установки, разделяемые членами группы. С позиций философской виртуалистики [7] символический универсум может интерпретироваться как «виртуальная картина мира».

Применительно к истории христианства можно указать, что процесс виртуализации реальности конкурирующими группами в составе некогда единой церкви начался очень рано и буквально в первые десятилетия существования новой религии привел к её распаду на несколько течений (иудеохристианство, паулинизм и т.п.). В III — V вв. этот процесс интенсифицировался в связи с выработкой доктринальной системы христианского вероучения, и именно в эти столетия возникает огромное множество отдельных конфессий, расхившихся по тем или иным богословским вопросам и образовавшим отдельные церкви или секты, постоянно враждовавшие между собой [8]. Церковные расколы в раннем христианстве были очень часты и почти всегда их причиной были теологические разногласия. Именно этим объясняется и Великий раскол 1054 года, когда произошел окончательный разрыв между католической и православной церквями, а папа римский и вселенский патриарх Константинополя предали друг друга церковному проклятию [1].

В терминах социологии [9] религиозное сознание христиан можно рассматривать как «расколотое сознание». Не существует единой и универсальной

христианской догматики, обрядности, календаря. Современное христианство представляет собой конгломерат большого количества отдельных конфессий, крупных и мелких, которые создают сходные, но все-таки не идентичные между собой символические универсумы. Безусловно, в догматическом и литургическом аспектах все христианские конфессии ближе между собой, чем, скажем, к мусульманам или буддистам, но это не приводит к реальному христианскому единству.

Раскол Русской православной церкви XVII века также может быть понят в рамках концепции раскола религиозного сознания. Показано [1, 2, 4], что церковная реформа была хорошо спланированным и политически продуманным шагом царя Алексея Михайловича, поэтому для рассмотрения причин церковной смуты следует обратиться к истории русской церкви.

Для русской средневековой культуры, по крайней мере начиная с эпохи централизованного Московского государства, было характерно представление об исключительности, богоизбранности России [10]. После падения Византийской империи в 1453 году Московское царство осталось единственной крупной православной державой, так как все остальные земли, где жили православные христиане, оказались подчиненными Османской империи. Считается, что именно этот факт послужил распространению среди книжников Московского царства историософской мифологемы «Москва — Третий Рим», сформулированной впервые загадочным для историков старцем Филофеем, жившим в начале XVI века в псковском Елеазаровском монастыре. В его «Послании Мисюрю Мунехину на звездочетцев» (1523 г.) содержится рассказ о последовательной смене мировых царств — «Римов». Римская империя была «первым Римом», Византия, или Константинополь, — «вторым». Оба эти царства пали, разрушились, а их величие и миссию объединения человечества унаследовала Москва — «третий и последний Рим». «Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти», — резюмировал Филофей [10, 11]. С тех пор эта идея стала основой державной мифологии Московского царства.

По мысли русских книжников Византия утратила святость, «отурчилась», но в политическом отношении словно бы перевоплотилась в русское царство, поэтому Москва должна была унаследовать не только её историческую роль, но и её символику. Двуглавый орел на русском гербе — византийского происхождения и получен Россией в наследство, а племянница последнего византийского императора Софья Палеолог стала женой великого князя Ивана III. Тем самым идея исторического преемства была подкреплена династически.

Убежденность в исключительности Русского царства и его мессианской роли хранителя истинной веры на Земле привели к началу XVII столетия к росту авторитарных настроений в обществе, поддерживаемых царской властью. Настороженное отношение к иностранцам, третируются католиков и протестантов как еретиков, которых нужно даже перекрещивать, если они желают принять православие, отмечалось как современниками [12], так и современными исследователями [2, 13].

Таким образом, перед началом церковной реформы русское религиозное сознание было в высшей степени целостным. Церковь была единой, в её среде не выделялось никаких раскольнических течений, и все жители Российского государства согласно признавали себя единственно правоверными христианами на всей Земле. Мир четко делился на «ортодоксов»

и «еретиков». К последним причислялись «латиняне и лютеры», то есть католики и протестанты [2, 4].

Сущность церковного раскола заключалась в том, что некогда единый символический универсум Русской православной церкви распался на две враждебные виртуальные реальности, что спровоцировало и раскол русского социума на две части, одинаково православные по вере, но полностью разошедшиеся в понимании роли церковной традиции [2, 4]. Непосредственным поводом к расколу было исправление русских богослужебных книг по греческому образцу. Царь и патриарх считали, что за долгие века использования в русской церкви в книгах (которые переписывались от руки) накопилось множество искажений и неточностей. Для их исправления было решено сопоставить текст русских и древних греческих книг и исправить текст первых в соответствии с греческими оригиналами. Как следствие, это влекло за собой изменение церковной обрядности, ведь именно в книгах содержались указания на то, как именно следует выполнять то или иное ритуальное действие, например, крестное знамение.

Политической причиной церковной реформы было стремление государственной власти укрепить свою организацию внутри страны, повысить свой авторитет. Воссоединение Украины с Россией в 1654 г. выдвигало задачу объединения русской и украинской церковью, при этом их разделяли накопившиеся за несколько веков различия в обрядах и правилах. Унификация церковных норм была нужна и для осуществления далеко идущих замыслов в отношении православных народов Балканского полуострова, находящихся под влиянием султанской Турции. Без упорядочения церковной жизни в Российском государстве нельзя было рассчитывать на успех церковно-политического влияния вне его пределов. Поэтому раскол произошел не только на религиозной почве. К чисто религиозной проблематике войны примешивалась и борьба между патриотами и византийцами. Этот конфликт начался с исправления богослужебных книг по старым греческим образцам. В 1649—1650 гг. к такой работе приступили приглашенные с Украины ученые-монахи. В то же время образовался кружок «ревнителей благочестия», в который вошли влиятельные деятели церкви. «Ревнители» враждебно относились ко всему иноземному и с большой тревогой наблюдали за проникновением элементов западной культуры. Они считали, что надо пресечь равнодушные населения к церковной службе и обрядам и ввести проповеди в церковную практику. Книги же, по их мнению, следовало бы исправлять не по греческим, а по древнерусским рукописям [4].

В 1653 г. последовало распоряжение патриарха Никона о замене при богослужении земных поклонов поясными, а двуперстного крестного знамения — троеперстным, затем было высказано категорическое требование сверить все богослужебные книги с греческими, изъять иконы, написанные по русским образцам и т.п. Весной 1654 г. Никон созвал церковный собор, на котором подверг критике всякое нарушение древневизантийских обрядов и установлений и требовал от него одобрения произведенных реформ. Собор под нажимом Никона и царя одобрил реформы, сделав лишь осторожную оговорку о том, что исправление книг надо производить и по русским старым книгам и уставам. Старообрядцы, не согласные с реформой Никона, были отлучены от церкви. Против нововведений Никона боролась боярская знать, видевшая в церковной реформе средство усиления царской власти, а также опасавшаяся проник-

новения иностранных элементов в Россию. Характерным примером такой фанатичной веры стала боярыня Феодосия Прокопьевна Морозова. Раскол приобрел не только догматическое, но и социальное содержание, поскольку произошел между сторонниками общины и государственниками [1, 2, 4].

Главная острота Никоновой реформы была в резком и огульном отрицании всего старорусского чина и обряда. Его не только заменяли новым, но еще и объявляли ложным, еретическим, почти нечестивым. Богослужебные книги были изменены по «древним славянским и греческим образцам», но вместо древних источников за основу для нового славянского текста обычно принимались новопечатные греческие книги, которые печатались в католической Италии, что было совершенно нестерпимо для «ревнителей благочестия», которые считали, что «латынники» намеренно вносят искажения в эти книги [4].

Принципиальное значение для «ревнителей благочестия» имела реформа традиционного русского обряда: «В православном учении знаково-символическое выражение догмата о двух естествах во Христе в сложении двух перстов для крестного знамения значимо наряду со словестной формулировкой догмата и изменения формы (обряда) становилось изменением смысла (веры)» [14]. Изменение обряда и даже незначительная коррекция текста традиционных книг были восприняты массами как скрытая «перемена веры».

Начавшийся раскол означал столкновение традиционного византийско-русского мышления, стремящегося к познанию истины умом и сердцем в их единстве, с новоевропейским рационализмом. Предпринятые силами украинских ученых монахов попытки «книжной sprawy» можно рассматривать как применение ренессансной филологической методологии, «текстологической критики», впервые возникшей в среде итальянских гуманистов, пытавшихся очистить тексты классических авторов от многочисленных наслоений и искажений, накопившихся за долгие века переписывания манускриптов [15]. Рационалистическая критика предлагала верить не букве, не записанному тексту, а исходному смыслу, который нужно было реконструировать, исходя из умственных усилий интерпретатора. Гуманисты, поскольку они практически не работали с книгами Писания, утратили сакральное отношение к Тексту, которое, конечно, не распространялось на сочинения греческих и римских авторов.

Попытка рационалистической критики текстов славянской Библии (не свободных, конечно, от множества искажений) впервые была предпринята на Руси в XVI веке под руководством византийского ученого монаха Максима Грека, который получил гуманистическое образование в Италии. Однако его исправления священных книг были осуждены русской церковью, и в 1525 году он был признан еретиком и сослан в Волоколамский монастырь [13]. Следующая попытка «книжной sprawy» была предпринята в первой половине XVII века священником Иваном Наседкой и также окончилась осуждением справщика [13]. В итоге, только с третьей попытки при патриархе Никоне удалось — при беспрецедентном давлении со стороны царя — осуществить лингвистическую реформу русской Библии и обрядности русской церкви.

Естественно, гуманистический рационализм оказался в противоречии с мистической традицией Богопознания, усвоенной русскими от Византии. Произошло столкновение разных идей, выразившееся в противоречии интеллекта и духа. Раскол явился при-

чиной перелома, суть которого заключалась в искажении духовного развития русского общества, разрывом его внутреннего единства, забвения наследия прошлого. Под предлогом вселенской полноты веры старорусское заменяется новогреческим. Это не было мнением греческой церкви, это было мнение странствующих греческих архиереев, приезжавших в Россию за милостыней. Многие из них просто угождали царю Алексею Михайловичу, поддерживая его реформаторские устремления, ради собственной материальной выгоды. Таков был финал реформы патриарха Никона, требовавшего резкой и бесповоротной замены «церковной старины» — «церковной новизной».

Значительная часть населения отказалась принять обрядовую реформу. Она продолжала следовать старым, установившимся христианским ритуалам, вобравшим в себя некоторые элементы из других верований. И здесь именно старообрядцы во многом явились носителями тех традиций, в которых заключалось немало элементов языческой обрядности. Так, у них было сохранено хождение посолонь во время крестного хода, что является отголоском языческих солярных культов. Возможно, старообрядцы явились хранителями и других элементов славянской культуры. Например, они активно использовали в своих произведениях стиль народной речи, прибегали к поэтическим сравнениям из устного народного творчества, часть которых была основана на языческом мировоззрении. Обряд в это исключительное время приобрел особую важность. Ведь только быт и обряд и остаются, когда «отходит благодать и тайны оскудевают» [1, с. 70]. Все становится в зависимость от дел, ибо только дела и возможны. Отсюда эта неожиданная активность старообрядцев в мирских делах, некая истовость в быту — возможность спастись обломками древностной жизни.

Питательная почва для раскола сохранялась и после того, как Никон попал в опалу, лишился патриаршей кафедры, а потом и вовсе попал в ссылку. Реформа церкви, инициированная государственной властью, была завершена силами других иерархов. Продолжением богопротивных дел Никона виделась многим деятельность Петра I, особенно в таких мероприятиях, как введение нового календаря, иноземной одежды и привычек (кофе, табак, ассамблеи). Отсюда популярные в народе толки о Петре-антихристе, от которого гибнет благочестие и вера, а царство его есть наступление конца мира [1, с. 72]. Именно во время царствования Петра I раскол приобрел свою зрелую форму, состоялся как особый феномен русской религиозной жизни.

С тех пор и до сегодняшнего дня в русском православии сосуществуют два мощных течения, которые условно можно назвать «старообрядческим» и «новообрядческим». В догматическом отношении они не различаются и с точки зрения теологии — одинаково православны. Однако различия в отношении к обрядовой стороне религиозной жизни, проявившиеся в XVII столетии, оказались настолько существенными, что привели к формированию двух альтернативных символических универсумов, носители которых обособились в социальном отношении, образовав две более или менее замкнутые и хорошо осознающие свою «инаковость» группы. Расколотость религиозного сознания повлекла за собой раскол общественного бытия, и даже снятие в 1971 году анафемы на старообрядцев (на поместном соборе Русской православной церкви) не помогло восстановить церковное единство.

Библиографический список

1. Флоровский Г. Пути русского богословия / Флоровский Г. — Paris: Ymca-Press, 1983. — 600 с.
2. Румянцев В.С. Народное антицерковное движение в России XVII века. — М.: Наука, 1986. — 280 с.
3. Никольский Н.М. История русской церкви / Никольский Н.М. — М.: Политиздат, 1985. — 446 с.
4. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович / Каптерев Н.Ф. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. — Т. 1. — 524 с.
5. Бергер П. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / Бергер П., Лукман Т. — М.: Медиум; Московский философский фонд, 1995. — 323 с.
6. Тищенко С.В. Основные мотивы интерпретации Евангелия по Луке / Тищенко С.В. // Канонические Евангелия; под ред. С.В. Лёзова, С.В. Тищенко. — М.: Наука; Восточная литература, 1992. — С. 266—278.
7. Носов Н.А. Виртуальная парадигма // Виртуальные реальности. — М., 1998. — С. 91—92.
8. Спасский А. История догматических движений в эпоху Вселенских соборов (в связи с философскими учениями того времени). [Репринтное воспроизведение издания Сергиев Посад, 1914] / Спасский А. — Б.м., 1996 — 650 с.

9. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек / Тощенко Ж.Т. — М.: Гардарики, 2001. — 400 с.
10. Успенский Б.А. Дуалистический характер русской средневековой культуры (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина) / Успенский Б.А. // Успенский Б.А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. — М.: Гнозис, 1994. — С. 254—297.
11. Плюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства / Плюханова М.Б. — СПб: Акрополь, 1995. — 336 с.
12. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / Олеарий А. — Смоленск: Русич, 2003. — 474 с.
13. Опарина Т.А. Иван Наседка и полемическое богословие Киевской метрополии / Опарина Т.А. — Новосибирск: Наука, 1998. — 429 с.
14. Пилюгина Н.Б. Христианство и язычество / Пилюгина Н.Б. // Введение христианства на Руси. — М., 1987. — С. 263—273.
15. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии / Буркхардт Я. — М.: Юрист, 1996. — 592 с.

ЛАЗУТКИН Вадим Валерьевич, соискатель кафедры социальной философии.

Статья поступила в редакцию 08.05.08 г.

© В. В. Лазуткин

Книжная полка

Голубинцев, В. О. Философия науки [Текст]: учеб. для вузов / В. О. Голубинцев, А. А. Данцев, В. С. Любченко. — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — 541, [1] с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-222-10855-0.

Учебник предназначен для студентов всех направлений и специальностей вузов. В нем раскрывается соотношение науки и философии, излагаются взгляды на предметную область философии науки. Наука рассматривается в трех аспектах ее бытия: как особого рода знание, как специфическая деятельность, направленная на получение этого знания, и как социальный институт. Раскрывается исторический путь развития науки. Рассматриваются западные концепции философии науки XIX—XX веков. Показывается роль науки в решении глобальных проблем современной техногенной цивилизации.

Кроче, Бенедетто. Философия духа [Текст] / Бенедетто Кроче; пер. с итал. И. А. Овсянниковой. — 4-е изд. — Омск: [Б. и.], 2008.

Философия [Текст]: учеб. для нефилос. специальностей вузов / А. В. Аполлонов [и др.]; под ред. А. Ф. Зотова [и др.]; МГУ им. М. В. Ломоносова. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Культура: Акад. Проект, 2008. — 686 с.: рис. — (Классический университетский учебник). — ISBN 978-5-8291-0949-3. — ISBN 978-5-902767-32-9.

Учебник подготовлен коллективом преподавателей МГУ. Структура учебника максимально приближена к курсу философии, читаемому в настоящее время в большинстве вузов. В учебнике представлены история философии, изложение философии в логическом плане — как системы идей, а также рассмотрены отдельные сферы философского знания, демонстрирующие, как философская методология может быть практически применена при исследовании специфических областей действительности.

Авторы стремились сохранить полемический характер изложения, раскрывая перед читателем многообразие подходов, представленных в различных философских школах и направлениях.

Для студентов вузов.

Махова, Н. П. Этика [Текст]: учеб. пособие / Н. П. Махова. — Омск: ОмГТУ, 2008. — 106 с. — Библиогр.: с. 104—106. — ISBN 978-5-8149-0550-5.

В учебном пособии изложены основные идеи классических и современных теорий морали, раскрыто содержание основополагающих категорий этики.

Содержит методические указания к различным видам самостоятельной работы студентов.

Предназначено для студентов специальности 030602 «Связи с общественностью» дистанционной формы обучения.

По вопросам приобретения — (3812) 65-23-69
E mail: libdirector@omgtu.ru